Ухудшение положения России, как и многих других стран, включая Китай, в мировой системе традиционно осмысливается как необходимость ускорения экономического роста — «иначе нас сомнут». Ускорение темпов роста неизбежно вызывает вопрос о готовности общества пойти на определенные жертвы в текущем потреблении в пользу инвестиций и в интересах будущих поколений. Наиболее выразительно это было в 1910-е, в конце 1920-х и начале 1930-х годов. Тот же вызов стоял перед Россией и в условиях структурного кризиса, развернувшегося в 1980-е годы и далее. Строго говоря, интервалы, когда страна «вкушала» плоды повышения доли потребления, были коротки.

Именно за этот выбор — между повышением нормы накопления — с одной стороны, и сохранением уровня потребления и умеренными темпами роста — с другой, — и разворачивалась острая идейная и политическая дискуссия второй половины 1920-х годов.

Н.Д. Кондратьев, оказавшийся в лубянской камере во многом за свое более плавное по темпам и гармоничное по источникам обоснование решения этого вопроса, оказавшееся политически неуместным, подчеркивал в своих показаниях глубинную суть вопроса: «...процесс индустриализации Союза... за последние годы опирается на огромные капитальные вложения. Эти вложения, производящиеся без помощи иностранного капитала, являются результатом исторически невиданной по высоте нормы накопления. *Я знаю, что такая высокая норма накопления требует значительных жертв со стороны трудящихся масс данного поколения*»*.

Александр Агеев

www.ageev.net

За высокую норму

Длящаяся с 2009 г. стагнация российской экономики — следствие в первую очередь слабой инвестиционной активности. ВВП за целое десятилетие вырос всего на 4%, а инвестиции — на 2%. Доля инвестиций в основной капитал составила всего 17%, уступив и развитым странам, и почти вдвое — развивающимся. Поставленные Президентом РФ новые стратегические цели требуют значительных вложений.

Весь комплекс задач среднесрочного периода требует темпов экономического роста в пределах 4–6% в год. Для этого нужно поднять долю инвестиций в основной капитал ВВП до 25–35%, то есть в 2 раза. Ни по темпам, ни по объему инвестиций Россия пока не выходит на желаемую траекторию развития. В свою очередь, в структуре потребления прибыль и другие предпринимательские доходы превосходят доходы в форме зарплаты и других трудовых выплат. Приобретенные на эти доходы активы частично дислоцированы за рубежом (более 1 трлн долл., по официальным оценкам, не считая других категорий оттока капитала).

Иными словами, сложилась ситуация, когда скудный уровень жизни большинства населения сочетается с экстраординарно высоким благосостоянием немногим более чем 2 млн российских граждан и недопустимо низким уровнем инвестиций.

Все эти факторы вынуждают нынешнее поколение к «затягиванию поясов». Но у населения суммарно финансовые активы не намного превышают 20 трлн руб. Более 7 млн граждан уже в категории «просрочивших кредитные выплаты», и пенсионная «реформа», конфискационная по своей сути, оставила долгосрочный и мрачный след в массовом сознании.

Правительство сделало ставку на цифровизацию. Но главное в рассматриваемом контексте то, что цифровая трансформация подразумевает инвестиционную нагрузку на государственный и корпоративные бюджеты. Но есть серьезные риски неэффективного расходования бюджетных ресурсов.

Цифровизация — это прежде всего жесткая схватка за превосходство в разработке и внедрении передовых систем управления на всех уровнях.

Опыт XX в. оставил нам важный урок. Мотивируясь ситуацией «иначе нас сомнут», можно выстроить победоносные системы. Но если они не преобразуются, если начинают эволюционировать по тупиковым путям или становятся жертвами «волюнтаризма», то именно они-то, такие системы управления, «нас сомнут». Такой риск сулит политика, не учитывающая исторические уроки прежних жертв со стороны «трудящихся масс данного поколения».

* ЦА ФСБ. Д. Р-33480. Т. 5. Л. 335, 336.